

Цзи Юнь сказала:

— Это хорошо, что вас тогда не было дома. Вы избежали беды. Когда они задолжали денег, говорили, что долги матери должны выплачивать дети, и кредиторы приходили к нам, даже заходили в ваш двор, но, наверное, соседи сказали, что вы переехали, и они не стали вас искать. В общем, тогда мы с Баоцзюнем просто с ума сходили, особенно после того, как они сбежали с деньгами. Я была на последних месяцах беременности, они приходили к нам в дом, рылись в вещах, искали деньги, даже грозились всё разбить.

Говоря это, Цзи Юнь выглядела усталой, словно вспоминая те дни, полные страданий и отчаяния. Теперь это горе осело глубоко в её сердце, превратившись в холодный пепел, который уже не мог разжечь никаких эмоций.

Чэн Баоли едва могла слушать это, ей было мучительно больно. Раньше она думала, что у неё тяжёлая жизнь, но теперь поняла, насколько трудными были последние два года для её невестки. Выйдя замуж за Чэн Баоцзюня, она не знала покоя, а в итоге оказалась втянута в проблемы и обманута родственниками, которые украли деньги на строительство дома.

Чжэн Пин оставался спокойным и рассудительным. Он спросил:

— А что с участком земли? Он остался у вас?

Чэн Баоцзюнь кивнул:

— Да, к счастью, участок остался.

Иначе жизнь была бы совсем невыносимой.

Чжэн Пин согласно кивнул, протянул Чэн Баоцзюню сигарету и сказал:

— Как бы там ни было, жизнь продолжается. Теперь, когда у вас есть ребёнок, живите хорошо, и всё наладится. Цзи Юнь...

Цзи Юнь отозвалась, слёзы на её лице уже высохли. Чжэн Пин сказал ей:

— Сколько денег они у вас забрали, когда уезжали?

Цзи Юнь на мгновение задумалась, а затем назвала цифру, которую помнила до сих пор:

— 1 380.

Чжэн Пин спросил:

— Дом построили?

Чэн Баоцзюнь ответил:

— Нет, участок до сих пор пустует.

Чжэн Пин сказал:

— Хорошо, я и твоя сестра дадим вам деньги на строительство. Построим двухэтажный дом, а потом вы сами решите, как его обставить и что купить, согласны?

Цзи Юнь и Чэн Баоцзюнь были поражены.

Чэн Баоли сказала:

— То, что говорит твой зять, совпадает с моими мыслями. Наши семьи переживают трудные времена, я и Баоцзюнь были брошены собственной матерью. Она нас больше не хочет, но, несмотря на это, мы всё равно брат и сестра. У меня больше нет родных и семьи в родном городе, вы — мои единственные близкие.

Чэн Баоли не лукавила, она действительно так думала. Она не хотела, чтобы в её жизни больше не осталось ни одного родного человека. Её отец умер, мать и братья с сёстрами уехали, остались только этот брат и невестка, и они были честными людьми, иначе их бы так жестоко не обманули.

Решение Чжэн Пина сразу сблизило две семьи. Цзи Юнь и Чэн Баоцзюнь не ожидали такого, и с этого дня их жизнь начала новый этап.

Чэн Баоли и Чжэн Пин остались на обед, мама Цзи Юнь и сама Цзи Юнь приготовили множество блюд, чтобы угостить их. Они поговорили о последних событиях, обсудили детей и работу, а перед тем как уйти, договорились завтра вместе отправиться за материалами для строительства — песком, цементом и прочим.

На следующий день, закончив дела, Чэн Баоли и Чжэн Пин пошли посмотреть на участок земли. Место было довольно большим, там можно было построить двухэтажный дом и даже разбить сад, что было гораздо больше, чем их дом в Пекине.

Цзи Юнь, которая раньше из-за дома даже ударила Чэн Баоли, теперь чувствовала себя виноватой за то, что та помогает им со строительством, и всё время говорила, что они вернут деньги.

Чжэн Пин сказал:

— Не нужно этого. Просто помните, что Баоли вам помогла, и когда мы вернёмся, давайте будем собираться вместе, как родные, и пусть Янян зовёт вас дядей и тётей. У всех бывают трудные времена, сегодня мы вам поможем, а завтра вы поможете нам.

Цзи Юнь и Чэн Баоцзюнь были бесконечно благодарны, они никогда раньше не чувствовали, что жизнь может быть такой перспективной. Чэн Баоцзюнь больше не был рабочим, его перевели в офис за хорошую работу, и теперь он был клерком. Цзи Юнь, после рождения ребёнка, перешла из цеха в отдел продаж, и их работа стала намного лучше. К тому же, их винный завод процветал, и за последние два года они выпустили напиток, который стал очень популярным.

Чжэн Пин подбодрил их, сказав, чтобы они хорошо работали и приезжали с ребёнком в центр провинции. Цзи Юнь, чувствуя благодарность, но не находя слов, купила им несколько бутылок вина по льготной цене.

Теперь, когда деньги на строительство дома были, Чэн Баоли и Чжэн Пин могли вернуться в центр провинции. Но они никак не ожидали, что те самые родственники, которые, как говорили, сбежали с деньгами, вдруг снова объявятся и придут к ним!

Чэн Баоли уже собрала вещи, упаковала всё, что дали соседи — солёное мясо, рыбу, вино от Цзи Юнь, арахис, — как вдруг на пороге появилась Чэн Баоя, словно из ниоткуда. Дверь была

открыта, и она просто вошла в дом.

Чэн Баоли обернулась и увидела Чэн Баоя, одетую в красную куртку, с улыбкой на лице:

— Баоли, говорят, ты разбогатела в центре провинции? И даже в Пекин ездила?

Её тон был язвительным, и у Чэн Баоли по коже побежали мурашки.

Сначала Чэн Баоли испугалась, но после этих слов в ней остался только холодный смех. Она подумала, что Чжэн Пин был прав: некоторые люди, увидев, что у них есть деньги, теряют всякий стыд и лезут к ним. Её сестра выглядела отвратительно! Она холодно ответила:

— Ты же сбежала с долгами, оказывается, не уехала.

Чэн Баоя, не стесняясь, сказала:

— Мама специально меня послала.

И, бросив взгляд на сумки на столе, с улыбкой добавила:

— Что привезла?

Чэн Баоли ответила:

— Ничего.

Чэн Баоя подняла брови:

— Как это ничего? Говорят, ты была в Пекине.

Чэн Баоли два года не видела мать и сестру, но помнила, какие они были. Она не могла поверить, что некоторые люди становятся всё бесстыднее! Прийти в дом и сразу требовать вещи, а что дальше? Деньги? Дом?

Чэн Баоя, войдя в дом, начала оглядываться, ища, что можно унести. В чужом доме она бы, конечно, не позволила себе такого, но с сестрой она вела себя как обычно, без всяких ограничений, словно это был их привычный стиль общения.

Чэн Баоли была в ужасе от поведения сестры. Вспоминая прошлое, она понимала, что так было всегда — два года назад, раньше, в подростковом возрасте, в детстве. Её сестра всегда вела себя так, говоря, что думает, и беря, что хотела, никогда не церемонясь.

Чэн Баоли, чувствуя отвращение, нахмурилась:

— Уходи, у меня ничего нет, и я не хочу тебя видеть.

Чэн Баоя сменила выражение лица и холодно сказала:

— Ты так дочь себя ведёшь? Вернулась и ничего не привезла? Как это будет выглядеть?

Чэн Баоли теперь не была прежней:

— Это выглядит хуже, чем то, что вы, задолжав денег, обманули собственного сына, сбежали и соврали, что уехали в Шаньдун? Убирайся отсюда, или я позову людей!

Чэн Баоли теперь действительно была в ярости. Прошло два года, и Чэн Баоя казалась ей совершенно чужой — наглой, жаждущей денег и вещей.

Раньше она знала, какая Чэн Баоя, но сейчас она была другой. Раньше она хотя бы пыталась поддерживать отношения, говоря приятные слова или давая наставления, чтобы укрепить своё положение старшей сестры. Но теперь она была совершенно другой. Раньше, войдя в дом, Чэн Баоя обязательно сказала бы: «Баоли, ты вернулась! Почему так долго не связывалась с семьей?» и тому подобное.

<http://bllate.org/book/16484/1498071>